

Макс Мах
Цикл
АВИАТОР

Авиатор
Командир Браге
Небесный капитан

Макс Мах

НЕБЕСНЫЙ
КАПИТАН

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М17

Серия «Попаданец»
Выпуск 49

Оформление обложки *Владимира Гусакова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

М17 Макс, Макс

Авиатор: Небесный капитан: роман / Макс Макс. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ле-
нинград», 2018. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-110743-7

Капитан 1-го ранга Елизавета Браге снова в отставке, но нет худа без добра. Она вернулась на «Звезду Севера» и отправилась со старыми друзьями в новую экспедицию. На этот раз искатели сокровищ проникли в самое сердце таинственного континента Лемурия. Приключения Лизы в неведомых землях, путешествия между мирами и новые повороты в ее личной судьбе сделают ее жизнь еще более увлекательной. И это не считая политических интриг, в которые Елизавета оказалась вовлечена, и деятельности тайных обществ, с которой она неожиданно-негаданно столкнулась. Итак, курс на Лемурию, ход экономичный. Так держать!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110743-7

© Макс Макс, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть I

БЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ...

Глава 1

В РАССТРОЕННЫХ ЧУВСТВАХ

Июль 1932 года

Отъезд из Шлиссельбурга больше всего походил на бегство, но от кого именно она бежала, Лиза не знала и сама. От себя, наверное. Но от себя не убежишь, даже если очень захочется. Тем не менее Лиза «ударилась в бега». Ни с кем не простившись и не рассказав никому о своих планах, собрала по-быстрому дорожную сумку, загрузилась ночью в свой старенький автожир да и рванула — прямо с крыши дома на Смолянке — куда глаза глядят. А глядели они у Лизы на Новгород, так что в «обетованные европы» она улетала именно из старой столицы.

Сдала автожир на долговременное хранение, поднялась на рассвете на борт пассажирского экспресса Новгород–Свеаборг–Стокгольм и до самого Стокгольма сидела в ресторане. Почти не ела. Пила горькую. Алкоголь, однако, не брал, и сна ни в одном глазу. Зато едва сошла на шведскую землю, сразу же поняла, вот оно! Она уже, что называется, носом окуней ловила и ни о чем кроме как уснуть думать не могла. Поэтому не откладывая в долгий ящик перешла на борт стоявшего под парами грузопассажирского пакетбота, идущего в Амстердам,

бросила «кости в койку» и спала всю дорогу, как малое дитя. Без снов, без утреннего похмелья, вообще без всего.

В Амстердаме проснулась. Вышла под мелкий дождь, обещавший вот-вот обернуться ливнем, и поняла, что прежняя жизнь закончилась, однако новая еще не началась.

«Чистилище!»

Ну, где-то так все и обстояло: Лиза оказалась в паузе между «тем и этим». Не в первый раз, положим, но оно и к лучшему. Опыт — «сын ошибок трудных» — подсказывал, что ничего ужасного не произошло, а поправить настроение можно множеством проверенных способов. Выбирай — не хочу!

Для начала следовало задействовать артиллерию среднего калибра: шопинг и шоколад. В запасе оставались классические — коньяк и роскошь. А еще прогулки под парусом в штормовом море... Индийский грасс... Аргентинское танго... Да мало ли что в голову придет! Можно, например, пострелять из чего-нибудь смертоубойного. Грохот, отдача и запах сгоревшего пороха хорошо поднимают тонус и бодрят не хуже купания в проруби!

«Или вот, покрутить фигуры высшего пилотажа... В грозовом небе... На спортивной машине с зашкаливающим ускорением...»

Звучало соблазнительно и работало на ура! От одного предвкушения у Лизы подскочил пульс и едва не случился оргазм. А если все это на самом деле? В смысле горячий кофе, калабрийская граппа, франкские эклеры... Или наоборот: горячая ванна, холодное шампанское и земляника со взбитыми сливками? Но если не сработает ни один из этих заточенных на борьбу с меланхолией инстру-

ментов, оставалась еще артиллерия главного калибра — разврат! Ну, разумеется, не разврат. *Разврат. Разврат!* И все с большой буквы и курсивом. А уютный такой и знакомый по довоенному опыту «отпускной» разврат. Найти себе мальчика помоложе да покрепче телом. Их тут, к слову, должно быть много.

«Викинга какого-нибудь... Датчанина или шведа... Или все-таки для такого случая лучше присмотреть девочку?»

Девочки настроение поднимают никак не хуже. И опять же Амстердам самое то место. Здесь полным-полно крепкотелых и пышногрудых блондинок, хотя для такого случая лучше подошла бы стройная южанка. Какая-нибудь итальянка или испанка...

Под размышления о главном Лиза доехала на извозчике до отеля и не мешкая вселилась в один из двух номеров люкс, занимавших весь четвертый этаж. Отель назывался *Breitner Hause* и располагался на улице *Oosterpark*, так что из окон Лизиних апартаментов открывался вид на одноименный парк, на другой стороне которого находился комплекс зданий Тропического института, музея и оранжереи. Лиза в *Breitner Hause* никогда прежде не жила, но как-то обедала в прошлом году сразу после посещения Тропического института. Ей тогда понравилась кухня, месторасположение постоянного двора — центр, но как бы в стороне от столичного шума — и само здание. Вроде бы ничего особенного, но что-то есть. Начало прошлого века. Как бы ампир. Но ампир не себерский или франкский, а нидерландский. Не такой большой, не такой роскошный. В общем, Лизе понравилось.

«Начнем с шоколада и эклеров!» — решила Лиза, посмотрев в окно, за которым разверзлись хляби небесные. Лило как из ведра. За стеной воды даже парк было не разглядеть.

«Вот же погодка, прости господи! Словно из дома и не уезжала!»

Домом она все чаще — даже в мыслях — называла Шлиссельбург. Ленинград, как и вся ее прежняя жизнь — жизнь инженера-электрика Лизы Берг, — чем дальше, тем больше растворялся в тумане прошлого. Исчезал, стираясь, словно рисунок на песке. Уходил в сумерки забвения. Настоящим же — то есть той реальностью, в которой она теперь жила — являлась жизнь Елизаветы Браге, баронессы и кавалерственной дамы, капитана 1-го ранга в отставке.

«Дважды в отставке! — поправила себя Лиза. — От Флота и от Джейкоба... И вроде как в обоих случаях сама виновата! В смысле ушла по собственному желанию».

Она закурила, глядя на ливень за широким окном гостиной. Затянулась, выдохнула дым и решила, что такие мысли надо давить в зародыше. Тогда она сняла трубку с элегантного телефонного аппарата — красное дерево, бронза, перламутр — и вызвала буфетную. Заказала большую чашку горячего шоколада, профитроли с заварным кремом и кусок линцкого пирога с миндалем. Подумала мгновение, еще раз тяжело вздохнула, смиряясь с судьбой Елизаветы Браге, и спросила буфетчика, какие напитки он может ей предложить. Сошлись на старом арманьяке крепостью в 48 градусов.

«Сорок восемь процентов алкоголя! В самый раз! Начинаем лечить национальный себерский сплин, известный так же как русская хандра!»

Лиза съела пирожные, запивая крем и сладкий миндаль горячим шоколадом, и оказалось, что даже у капитанов 1-го ранга глюкоза, шоколад и кофеин — в больших количествах — поднимают настроение на раз, хотя и не до оптимума.

«Ничего! Лиха беда — начало!»

Лиза напустила в ванну горячей воды. Высыпала в нее полкоробки сушеных лепестков роз, капнула розового масла и залезла в воду.

«Благодать!»

Музыкальный автомат — электромеханический недоробот с хватательной рукой для смены пластинок — проигрывал «Маленькую ночную серенаду» Моцарта. Воздух пах розовыми кустами и дымом египетских сигарет с гашишем. А в руке Лиза держала хрустальный стакан для виски, но пила она из него арманьяк. И не оттого, что у нее не было подходящей посуды. Просто из стакана как-то надежнее. Особенно когда сидишь в ванне.

«Решено! Если завтра не будет дождя, пойду по магазинам. Не голой же мне по Нидерландам ходить!»

И то верно! Убегая из Шлиссельбурга — от дурной на всю голову славы и разыгравшегося вокруг нее политического безумия, — Лиза практически ничего с собой не захватила. Бросила в дорожную сумку смену белья или две. Брючный костюм на случай непогоды и кое-какие личные вещи. И все, собственно. Однако если у тебя есть деньги — а у Лизы их было неприлично много, — возить с собой гардероб вовсе не обязательно. Все можно купить на месте. Не в Африке, чай! Хотя и в Африке — не везде, положим, но кое-где, это уж точно, — купить можно все что угод-

но. Ну, разве что ассортимент будет «пожиже», да качество в большинстве случаев оставляет желать лучшего.

«Но мальчика все-таки придется завести, — поняла Лиза, просмотрев очередной «жаркий» сон с участием Джейкоба Паганеля. — Или девочку».

Лиза не знала, отчего ее пробил пот. От спиртного, горячей воды или рукоблудства, как называл это невинное занятие старшина курса Ульянов. Но если под рукой нет ни мальчика, ни девочки, да еще любовь всей твоей жизни растаяла, блин, как утренний туман, некоторые телодвижения как минимум снимают хандру. А этого, собственно, Лиза и добивалась.

* * *

Несмотря на хмурое небо и мелкий надоедливый дождь, пребывание в Амстердаме явно пошло Лизе на пользу. Оказалось, что она не ошиблась, предположив, что походы по магазинам, лавкам и бутикам поднимут ей настроение. Все-таки нынешняя Лиза являлась капитаном Браге лишь отчасти. Хотя и Елизаветой Берг, скорее всего, быть перестала тоже. Однако страсть к покупкам, как к лучшему отдыху, принадлежала все-таки той еще, советской Лизе.

Итак, к вечеру третьего дня Лиза с успехом выполнила программу минимум. Она отоспалась, расслабилась под коньячок и горячий шоколад и принарядилась, купив белья, верхней одежды и аксессуаров никак не меньше чем на три дорожных кофра, да и пара портпледов лишними, скорее всего, не окажутся. Между тем «шопинг

и шоколад» медленно, но верно делали свое дело. Еще не победа, но положение, как говорил когда-то кавторанг Гаврилов, внушает робкий оптимизм. Впрочем, «действия главных сил» планировались на завтра: примерка в портновской мастерской на Кейзерграхт, магазин одежды и аксессуаров для военных и путешественников на набережной Амстеля недалеко от Маргери Грахт, и оружейная лавка в трех минутах ходьбы от Лизиного отеля. С нее Лиза и начала и, как вскоре выяснилось, в выборе не ошиблась.

— А не тяжеловата будет?

Вопрос не праздный. Этот двуствольный штуцер, сработанный в Цюрихе под франкский патрон 9,3×74, и в самом деле был тяжеловат. Тем не менее Лиза его удержать могла. Пробовала в Африке.

— Вообще-то да! — призналась она, оборачиваясь. — На пределе. Но я из подобного штуцера уже стреляла. В Африке.

— Охотились в Африке? — собеседница Лизы точь-в-точь соответствовала нынешней европейской моде на девушек, стриженных и одетых «под мальчика». Невысокая — она едва доставала Лизе до плеча, да и то на каблуках, — черноволосая и синеглазая. Стройная. В брючном костюме и «мужской» белой сорочке, расстегнутой до третьей пуговицы от стоячего воротника и в расстегнутом снизу доверху кардигане тонкой вязки.

— Да, охотилась, — кивнула Лиза. — В горах Атласа на львов.

— Завидую! — вздохнула женщина. — А я нигде почти не была, ни в Африке, ни в Индии, ни в Сибирском ханстве.

— Можно? — кивнула она на ружье.

— Разумеется, — и Лиза передала женщине штуцер. В тонких руках брюнетки он казался даже больше, чем был на самом деле.

— Действительно, тяжелый! И отдача, наверное, будь здоров!

Говорили они по-немецки, — как и продавцы в магазине, — и на слух Лизы язык этот являлся для женщины родным. Вот только диалект был какой-то незнакомый. Впрочем, в Германских государствах таких диалектов десятки. Все не сосчитать.

— А вы что покупаете? — Вопрос вежливости, не больше, но слово за слово, и разговор легко перешел с «курносого» кольта *Detective Special* под мощный девятимиллиметровый патрон Смит-и-Вессон, к которому, собственно, и примеривалась женщина, на револьверы вообще. А там уже сам собой всплыл вопрос, что лучше, пистолет или револьвер? Штуцер или карабин? И прочее, и прочее, в том же духе. В результате познакомились.

Нина Аллен оказалась американкой из Филадельфии, но немецкий действительно знала как родной, рассказав Лизе по этому случаю историю пенсильванских немцев. Ну, а что касается Лизы... О том, кто она такая, Нина, к счастью, даже не догадывалась. Так что просто Лиза. Лиза Браге из Себерии.

— В такой ситуации главное — правильно дышать! — Лиза вспомнила ночную охоту на леопарда и решила, что рассказ про пулеметчика сейчас неуместен. Если уж рассказывать, то только про зверей. Про калибры. Дальность прицельной стрельбы и отдачу. Про звуки, запахи и ощущения африканской ночи. — Мягкий вдох, плавный выдох. Пони-маешь?

Дело шло к полудню. Они с Ниной уже перешли на «ты» и пили чай в кондитерской над Амстерделем. За окном снова сеялся мелкий унылый дождь. Лето. Июль. Амстердам.

«Родные осины, можно сказать», — мысленно вздохнула Лиза и продолжила рассказ:

— Было тихо... Ну, то есть не совсем. Ты же понимаешь, Нина, это не пустыня, а лес у реки. Впрочем, ночью в пустыне тоже не соскучишься. Начинает остывать земля...

— Да, да! — закивала Нина. — Я читала, земля трещит!

— Камни трескаются, — согласилась Лиза.

Нина ей понравилась. Симпатичная молодая женщина, неглупая и с характером. Под мальчика не только одета, сама больше мальчик, чем девочка. Но не в смысле, грубости черт или нескладности движений, а скорее повадками, грубоватой непосредственностью, чисто мальчишечьим ходом мысли. Уж ей ли не знать, сама среди пацанов росла. Но с другой стороны, одевается Нина со вкусом, косметики на лице хоть и немного, но она есть, речь культурная, и, судя по поведению, не на улице росла.

— Потом в лесу на склоне горы заверещали шакалы! Знаешь, очень похоже на людей.

— На людей? — удивилась Нина.

— Что, никогда не видела, как взрослый бандит распугивает мелкую шпану?

— Нет.

— Тогда представь! Их несколько, и у них даже ножи есть, а он один, но большой, безжалостный и хорошо, если не со стволом. Они ему, разумеется, уступают, но гонор не задушишь! Шипят, матерятся, верещат, но все равно вынуждены отступить.

— А ты где?.. — поежившись, спросила Нина. — Ну, то есть ты сама такое видела?

Лиза видела. Вернее, видела Елизавета Браге, когда в бытность мичманом обошла вместе с другими юными офицерами все притоны Ниена, Юрьева и Пскова. Но не будешь же рассказывать обо всем этом неаппетитном свинстве девушке, воспитанной в «лучших домах Филадельфии»? А о том, что Нина происходит как раз из *таких* домов, Лиза уже не сомневалась. Такое не скрыть.

— Видеть не видела, но друзья рассказывали... — И она продолжила свой рассказ о ночной охоте в горах Атласа.

Ну, что сказать? Рассказ удался. Нина слушала, что называется, раскрыв рот. А Лизу несло, и всех дел было следить, чтоб не сболтнуть лишнего. Не то чтобы это был секрет, но вся прелесть остановки в Амстердаме заключалась в том, что здесь ее никто не знал. Одинокая белая женщина... небедная... самодостаточная... И кому какое дело, чем она занималась месяц или два назад. Ее прошлое сейчас принадлежало ей одной, и было бы глупостью утратить эту свою приватность из-за нелепой оговорки. А отдых в Амстердаме начинал Лизе нравиться. Вот даже компаньонку себе, кажется, нашла. Будет с кем сходить в оперу, съездить в Брюгге к Мари Нольф или к полковнику Штоберлю в Гейдельберг. Лиза ведь никуда не торопится. Райт ждет ее в Роттердаме лишь в начале сентября, а Нина — по ее словам — путешествует по Европе «в образовательных целях», и ей совершенно все равно, куда направить стопы. Лишь бы не одной.

За разговорами Лиза едва не пропустила примерку, однако тащить новую знакомую с собой

в ателье поостереглась. Она ведь не вечернее платье заказала — хотя и этим стоило бы озаботиться, — а «знаменитый» костюм шеф-пилота Браге. «Мундир» гражданского капитана шился сразу в нескольких вариантах: брюки-галифе из темно-синего и бутылочного цвета габардина с завышенной линией талии, едва ли не под грудь, — и несколько кителей на все случаи жизни. Темных и светлых, глухих со стоячим воротничком и пуговицами до горла и открытых — для ношения с белой рубашкой и галстуком. А кроме того, в соседних с ателье мастерских изготовлялись на заказ три плоские пилотские фуражки, несколько пар высоких сапог с декоративной шнуровкой — на плоской подошве и на высоких, хотя и без фанатизма, каблуках. Не забыла Лиза и про «обычные» удобные для ходьбы по пересеченной местности ботинки и кожаные краги к ним с металлическими застежками.

Так что, нет — не все сразу. Договорились встретиться за обедом в ресторане на Новом рынке и разбежались, каждая по своим делам. Правда, Лиза успела только на примерки, на все остальное уже не оставалось времени. Однако расстраиваться по этому поводу не стала: покупка снаряжения не относилась к первоочередным делам. Закупить фляги, ножи и прочее все можно будет и завтра. А сегодня Лиза купила себе полутораметровую нитку розового цейлонского жемчуга, и это — как и следовало ожидать — подняло ей настроение не хуже коньяка.

«А жизнь-то налаживается! — усмехнулась Лиза, стоя перед зеркалом в ювелирной лавке и наматывая жемчужное ожерелье себе на шею. — Купить что ли еще и бриллиантовые сережки?..»